

*Сергей
Саканский*

Друг мой
сыщик

ЛЕГЕНДА О ФАРФОРОВОМ ГРОТЕ

Классический
детектив

Сергей Юрьевич Саканский

Легенда о Фарфоровом гроте

Серия «Друг мой сыщик», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3298385

Аннотация

Над южным городом тяготеет проклятье: время от времени в заброшенном гроте происходит убийство – одним и тем же способом и при одинаковых обстоятельствах, а именно: муж убивает жену, и во всех случаях орудием является медицинский скальпель. Более того: люди порой видят в глубине грота смутный силуэт дамы в старинной одежде... Журналист Жаров искренне верит в таинственную легенду, но его друг, следователь Пилипенко, подозревает хитроумные действия изощренного преступника. Только вот в чем вопрос: что это за убийца, который совершает свои кровавые ритуалы на протяжении уже более ста лет?

Сергей Саканский

Легенда о

Фарфоровом гроте

Классический детектив

На обложке: памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея. Жанровая картинка: скульптура Василисы Прекрасной (Поляна сказок в Ялте).

Жаров сидел в редакции, и на душе у него кошки скребли, несмотря на то, что за окнами волновалось солнечное утро, полное дымных лучей, как это часто бывает на исходе зимы. Вчера вечером выяснилось, окончательно и бесповоротно, что Алиска завела себе другого. Самое время напиться: очередной номер газеты сверстан, уйти с головой в работу не получится. Жаров уже нащупал в кармане ключи: выйти, запереть офис и в ближайшем баре на набережной... Но тут позвонил Пилипенко, он был в управлении и собирался зайти. Голос его не обещал ничего хорошего. Жаров понял, что следователь вовсе не собирается принести в газету очередной криминальный материал, а держит на уме что-то другое.

– Так, – пробормотал он. – Пьянка отменяется.

Жаров включил кофеварку в ожидании друга, благо что

идти ему с Морской пять минут. Но, как вскоре выяснилось, кофе тоже отменялся...

Пилипенко вошел, тяжело топая, скинул пальто и отрицательно махнул ладонью в сторону кофейного столика. Он был багровый от ярости, которая, казалось, клокотала в нем, как кипяток в чайнике, но голос его оказался неожиданно спокойным и даже ласковым. Последнее не предвещало ничего хорошего: это не были чувства, вызванные какими-то неприятностями по милицейской службе, нет, у старого друга что-то явно накипело против самого Жарова.

– Я хочу посмотреть один номерок твоей газеты, – тихо сказал он. – Где-то с месяц назад.

Жаров пожал плечами:

– Пожалуйста.

Он достал из шкафа увесистую папку подшивки и бухнул на стол перед следователем. Тонкое кольцо пыли разошлось по гладкой ореховой столешнице. Пилипенко чихнул.

– Меня интересует одна занятная статейка. Очень интересная тема. Легенда о Фарфоровом гроте.

– Так она в четвертом номере, конец января – бодро под-сказал Жаров, понимая, что суть настроения друга как раз и кроется в этой статье.

– Приятная статейка, я ее еще тогда запомнил. Очень полезная и нужная статейка, – приговаривал Пилипенко, листая подшивку.

– Это написала одна моя внештатница.

– Неужели?

– Экскурсовод, интеллигентнейшая женщина.

– Очень хорошо. Можешь мне дать газетку с собой?

– Что за... Она у меня в одном экземпляре.

– Ерунда! Ты еще напечатаешь.

– Я могу распечатать тебе верстку, у меня сохранилась на диске. Неужели такое важное дело, что надо подшивку потрошить?

Пилипенко сердито блеснул очками на Жарова.

– Важное, друг. Ты даже и не представляешь, какое важное... Ладно. Здесь почитаю пока.

* * *

Пилипенко читал, выпячивая нижнюю губу и периодически поправляя очки. Газетная полоса отражалась в их темных стеклах: две колонки на развороте и вертикальный коллаж из трех иллюстраций, которым Жаров гордился как дизайнер – старинная открытка, изображающая вход в Фарфоровый грот, вырезка из газеты за 1905-й год, современная цветная фотография грота.

Открытку и ксерокопию заметки принесла автор материала. Заметку она раскопала в фондах библиотеки. Это была не просто какая-то там газета, а «Крымский криминальный курьер», существовавший вплоть до ноября двадцатого года, пока в городе окончательно не установили советскую власть.

Именно в честь этого печатного органа Жаров и назвал свою газету, как бы продолжая традицию, прерванную в правление большевиков.

Фотографию Жаров сделал сам, взяв ее с той же точки, где более века назад безымянный фотограф «Курьера» установил свою треногу. Слева от грота рос тот же дуб, можно было разглядеть те же самые ветви, которые за столетие сделались лишь несколько толще. А вот аллея кипарисов на заднем плане была полностью заменена: старые кипарисы умерли, это дерево не живет в крымском климате так долго.

Статью написала внештатница, вернее, Жаров очень хотел видеть эту женщину в таком качестве, и не только в таком... Как раз сегодня утром он вспоминал ее, окончательно осознав, что после ухода Алиски он теперь свободен. Красивая, стильная Тамара работала экскурсоводом, и это был ее первый материал.

Здесь излагалась известная городская легенда. Давным-давно в Фарфоровом гроте произошло убийство. С тех пор люди стали видеть там фигуру женщины в белой одежде. Призрак невинно убиенной жертвы бродил по ночам вокруг грота, взывал и молился... Очевидцы рассказывали, что призрак порой появляется даже днем.

Читая, Пилипенко неожиданно улыбнулся, но мгновенно посерьезнел, Жаров понял, что они оба вспомнили одно и то же.

Дело в том, что они видели этот призрак – в детстве, лет

двадцать пять назад. Легенда о Фарфоровом гроте не давала мальчишкам покоя, и они решили ее проверить. Жаров тогда был Витькой, а Пилипенко – Вовкой. Жаров помнил эту ночь до мелочей.

Старый заброшенный парк, здесь когда-то была чья-то усадьба, сгоревшая во время войны. Вот и поляна, окруженная толстыми дубами, почти ровная площадка, а там, где снова начинается крутой подъем – Фарфоровый грот.

В небе застыла полная луна, поляна освещена ее серебряным светом, вдали зияет черная арка грота... Дуб стоит, словно полуразрушенный памятник, широко раскинув толстые ветви. Кипарис, начинающий аллею от входа в грот, чуть машет кончиком верхушки на ветру. Птица садится на верхушку, шевелится, успокаивается... Но что это? Они замерли, никому не хочется идти дальше.

– Ты тоже это видишь? – спрашивает Витька, сглатывая слюну.

– Ерунда какая-то, – говорит Вовка.

– То, что и должно быть, – говорит Витька, чувствуя, как по его спине ползет холодная капля пота. – И я туда не пойду.

– Я тоже, – отвечает Вовка.

Под аркой, в глубине Фарфорового грота, действительно стоит женщина. На ней длинное старинное платье, несмотря на то, что сейчас зима и довольно холодно. Белое платье, и сама женщина – тоже белая.

– Да и здесь я стоять больше не хочу, – говорит Вовка.

И тут третий, кто был с ними, Сережа Огурцов, с криком срывается с места и бежит по кустам вниз. Витька и Вовка бросаются вслед за ним, ссыпаются без оглядки по лестницам и шпарят аж до самой бани, где светло от фонарей, движутся машины и ходят люди.

Позже Жаров водил к Фарфоровому гроту своих девушек, но туманная белая фигура почему-то больше не появлялась. Возможно, она им просто померещилась, и они увидели то, что сами хотели. Правда, странно, что все трое увидели одно и то же...

С этого призрака, в принципе, и начался между ними многолетний метафизический спор, определивший их мировоззрение. Жаров считал, что призрак был. Пилипенко утверждал, что в гроте просто стояла какая-то реальная женщина, мало ли, кто и зачем ходит тут по ночам...

И вот, месяц назад, в редакции появилась Тамара Коршунова, экскурсовод с Поляны сказок, и принесла этот материал. Городская легенда была не только красиво изложена, но даже опиралась на факты.

В газете за 1905-й год говорилось о том, что ревнивый доктор зарезал в гроте свою молодую жену. Сообщались подробности: он использовал медицинский скальпель. Тело нашли не сразу, лишь через две недели. Женщина не была похоронена в течение девяти дней, вот почему, как предполагалось в статье, решенной в мистическом духе, и появился в Фарфоровом гроте призрак.

Но на этом история Фарфорового грота не заканчивалась, а напротив – только начиналась.

В тысяча девятьсот тридцать девятом году в гроте произошло убийство, точно при таких же обстоятельствах – муж зарезал скальпелем свою жену. Следующее преступление произошло в семьдесят третьем...

* * *

Пилипенко кончил читать и накрыл подшивку ладонью.

– Странные совпадения, – проговорил он. – Дело об убийстве семьдесят третьего года я запросил в Симферопольском архиве, а вот с тридцать девятым не ясно: довоенные материалы уничтожены при оккупации.

Жаров удивился:

– Ты запросил дело в архиве? Что ж, меня радует твой интерес к этой статье.

– Радует его, – пробурчал Пилипенко себе под нос. – Недолго тебе осталось радоваться. Ты мне скажи начистоту. Вот, ты печатаешь в своей газете такие вещи. А сам-то хоть чуть веришь во все это?

Вопрос был трудный, мировоззренческий. Начинать дискуссию с раздраженным неизвестно чем Пилипенкой Жарову не улыбалось и он коротко ответил:

– Нет, конечно.

– А что ж публикуешь такую дрянь?

– А ты посмотри, как называется рубрика.

Пилипенко заглянул в газету и прочитал вслух:

– «По ту сторону: смелые мысли о непознанном». Так. А вывод из всего этого – тоже смелая мысль?

– Какой вывод? – не понял Жаров.

– Вот этот. Который делает автор статьи. Вернее, твоя авторша. Первое убийство произошло в девятьсот пятом. Второе – в тридцать девятом. Через тридцать четыре года. Следующее – семьдесят третий год, опять тридцать четыре. А сейчас какой? Снова прошло тридцать четыре года. Так и написано: каждые тридцать четыре года в Фарфоровом гроте происходят некие странные события... Ну-ну. Убийство у нее – «странное событие».

Пилипенко встал, прошелся по комнате, сцепив руки за головой.

– Знаешь что, – начал он. – Ты мне, конечно, друг, но... В общем, я собираюсь закрыть твою газету.

Жаров покачал головой.

– Да? Как ты себе это представляешь?

– Это уже мои проблемы.

Жаров усмехнулся.

– Пожалуйешься, кому следует. Напишешь возмущенное письмо, как пенсионер.

– Что-то вроде того...

– Что я печатаю ненаучные материалы, непроверенные факты... Что моя газета – вообще для дураков.

– Дураков надо подавлять, это точно! – подтвердил Пилипенко.

И вдруг он, наконец, взорвался, раскинул руки в стороны, сразу заполнив всю комнату своим широким жестом.

– Нет, это компания, вереница, линия дураков! – Пилипенко ходил по комнате, размахивая руками.

– О чем ты говоришь?

– О том, что один дурак открыл частную газету. Другой дурак, вернее, старая дура, написала в этой газете идиотскую статью...

– Она не старая, – вставил Жаров. – Очень даже милая, красивая женщина, лет эдак...

Пилипенко обернулся, и Жаров обомлел: его лицо искажала злоба, он буквально скрежетал зубами.

– До нее я еще доберусь. И вам обоим мало не покажется.

– Скажи мне, наконец, что случилось? – в отчаянии воскликнул Жаров.

– А то, что нашелся третий дурак. Самый главный, самый большой дурак. Он тоже верит в чудеса, злой рок, всякое непознанное... И этот дурак не просто прочитал статью. Он прочитал, и у него возникли смелые мысли о непознанном. Такие смелые, что он пошел к Фарфоровому гроту. Затащил туда свою жену и зарезал ее.

Воцарилась пауза. Жаров смотрел на следователя, а Пилипенко смотрел на него. Взгляд друга был тяжелым, обвиняющим, будто Жаров присутствовал на своем собственном допросе.

– Ты не шутишь?

– Еще бы.

– Муж на самом деле убил свою жену в Фарфоровом гроте?

– Да. Сегодня утром. Медицинским скальпелем.

– Убийца уже признался? – спросил он.

– Запирается.

– А с чего ты взял, что убийца именно он?

– Факты. Неумолимые факты. Он уверяет, что приехал к Фарфоровому гроту по вызову жены и обнаружил ее мертвой. Даже сам позвонил в милицию. Но ничто не доказывает, что он говорит правду.

– А наоборот: его виновность что-то доказывает?

– На нем была кровь жертвы. На орудии убийства его отпечатки.

– Но это же естественно! Он обнаружил труп. Орудие убийства также мог трогать – чего только не сделаешь в стрессовой ситуации? В конце концов, он же сам вызвал милицию!

Пилипенко сурово посмотрел на Жарова.

– Все дело в том, – сказал он, – что его засекли на месте преступления. Вероятно, он тащил труп, чтобы его спрятать. И тут увидел таксиста, который его ждал и пошел проверить, куда делся клиент. Убийце ничего и не оставалось, как немедленно позвонить в милицию.

– Таксист! Он же все это время околачивался поблизости. Может быть таксист – и есть убийца?

– Таксист? Почему? Какой у него мотив?

– А какой мотив у самого мужа?

– В таких случаях мотив один – ревность.

– Но почему именно в Фарфоровом гроте? И, во-вторых... Ревность еще надо доказать. Факт измены, объект.

– Этим занимаются, будь спок.

– Ну и?

– Пока безрезультатно. Никаких следов любовника. Думаю, доказательств еще прибавится. С минуты на минуту мы получим ордер на обыск.

– И ты считаешь, что он убил только потому, что в моей газете вышла статья?

– Ты еще сомневаешься? Или же думаешь... – Пилипенко наклонил голову и даже несколько двинулся в сторону Жарова, как бы наступая на него. – Ты думаешь, что на самом деле сбылось проклятье Фарфорового грота?

Жаров опустил глаза.

– Нет.

– Проклятье, которое действует с тысяча девятьсот пятого года и осуществляется каждые тридцать четыре?

– Нет.

Жаров почувствовал, что его лоб намокает от пота. То, что он собирался сказать, было важным, катастрофическим. Но он не мог этого не сказать, поскольку уже принял решение.

– Я закрою свою газету. Сам закрою, без твоих усилий. Но ведь есть еще шанс, что убийца не муж?

– Есть, шанс всегда есть.

Жаров помолчал.

– Так вот. Если убил не он, если убийство не имеет никакого отношения к моей газете, то все останется по-старому. Но если оно так, как ты думаешь, я обещаю: такой газеты в Ялте больше не будет.

* * *

Следователь Пилипенко так же быстро отходил, как и заводился. Жаров знал его всю жизнь и понимал, как самого себя.

– Кофе, наконец? – предложил он.

– Да, пожалуй. Давай-ка побыстрей: мне снова надо поехать на место преступления. Этот таксист видел еще одного человека. Я хочу посмотреть, не осталось ли там каких-то следов, что опергруппа не зафиксировала. Поедешь со мной?

Жаров с радостью согласился, и через несколько минут они уже мчались по Кирова в милицейском «жигуленке». Жаров был рад, что события завертелись – это будет похлеще любой пьянки...

– Свидетель хорошо разглядел этого человека, – задумчиво проговорил Пилипенко, глядя на дорогу. – По его описанию – мужчина в длинном светлом пальто, особая примета – давно не бритый.

– Может быть – бомж? – спросил Жаров.

– Да нет, – махнул рукой следователь, снова бросив ладонь на руль. – Говорит, эдакая гламурная небритость, как у рок-звезды, что-то вроде новорожденной бородки.

Жаров заметил: что-то тревожит его друга, и с любопытством воззрился на него.

– Чего ты не договариваешь?

– Таксист сообщил нечто странное, – сказал Пилипенко. – Этот человек показался ему необычным, но он не мог толком объяснить, почему... Что-то принужденное в походке... Как он заявил, будто трехмерная модель из компьютерной игры.

– Что это может значить?

– Не знаю. Но, возможно, трехмерная модель тоже может оставить следы.

Машина остановилась на краю заброшенного парка, Пилипенко выключил мотор.

– Дальше пешком, – сказал он. – Именно на этом месте Калинин вышел из такси.

– Фамилия мужа – Калинин? – удивился Жаров. – А убитую звали Мила, да?

– Ты ее знал?

– Кто же ее не знал! Это художница, и очень хорошая.

– Она как раз и работала сегодня около грота. Писала с натуры этот чертов грот.

– Неделью назад я видел ее в Симеизе, тоже с этюдником. Надо же!

Пилипенко стал подниматься по сухому склону, усыпанному хвоей, его нога соскользнула, он чертыхнулся.

– У нее был заказ от типографии. Они делают путеводитель. Муж, конечно, знал, где она будет сегодня рисовать. Место тихое. Как с утра все на работу пройдут через парк, так до вечера тут никого. Вот он и расправился с нею здесь.

– Что-то мне не верится. Зачем тогда ехать сюда на такси?

– Преступники иногда бывают идиотами и не думают о последствиях своих действий.

Пилипенко осмотрелся.

– Нет. Никаких следов. Пошли дальше.

Они поднялись по цементной дорожке, местами переходящей в лестницу, вышли на круглую поляну. Жаров вздрогнул, увидев вдали черную арку Фарфорового грота. Он смотрел, как замороженный в это загадочное окно, возможно, ведущее в странный, непознанный мир...

– Эй! Ты лучше под ноги гляди, – окликнул его Пилипенко. – Вляпаешься в собачье дерьмо.

Они прошли то самое место, где стояли тогда, в детстве, разглядывая призрака. Казалось, кусты самшита за это время ничуть не подросли, впрочем, их иногда стригут. Мир вообще состоит из одних и тех же, всю жизнь знакомых тебе мест.

Метрах в тридцати от входа в грот Жаров заметил на земле три неглубокие черные лунки.

– Здесь она стояла с этюдником, – грустно вздохнул он.

– Да. А убийство произошло внутри грота.

– А где картина?

– В управлении, разумеется...

С Милой Калининой Жаров был едва знаком, помнил несколько ее работ в галерее, видел ее на вернисаже на Пушкинской, где художники продают морские виды курортникам.

Арка грота была сложена из крупных кусков кремового песчаника, отчего грот и вправду казался фарфоровым. Лента, огораживающая место преступления, болталась на ветру: вероятно, здесь уже побывали любопытные.

На полу в гроте валялись пустые пакеты, пивные банки, фантики от презервативов. О том, что в гроте произошло убийство, говорило большое темное пятно на каменных плитах. Сводчатый потолок был крепок, только в одном месте зияла причудливая дыра от вывалившихся камней. Солнечный луч косо стоял в этом сыром пространстве, словно падающий столб.

– А ведь в эту дыру спокойно пролезет человек, – заметил Жаров.

– Ну и что? Убийца просто завел женщину в грот. Зачем ему лезть через эту дыру? Никаких следов борьбы не было. Оперативники тут больше натоптали.

Жаров недолго постоял, задрал голову. Что-то было невозможным в этой дыре, не вязалось с общей атмосферой ветхого грота...

И вдруг он понял. По краям сильно изломанного отверстия шел узкий керамический бруствер!

* * *

Это не было прорехой в крыше, куда свалились камни. Окно было искусственного происхождения: его верх выглядел как маленькая арка из темно-красных косых кирпичей, та же кладка шла по краям, откуда пробивалась трава.

– Смотри! – воскликнул Жаров. – Эту безумную конфигурацию сделали здесь специально.

Пилипенко также задрал голову, наклоняя для остроты зрения очки.

– Не может быть, – спокойно сказал он. – Окно слишком неправильной формы, чтобы его сотворил человек. Думаю, это сделала другая сила.

От этих слов Жаров вздрогнул.

– Какая сила? О чем ты?

Пилипенко загадочно улыбнулся, проговорил, как бы размышляя вслух:

– Сначала это была какая-то правильная фигура, например, мальтийский крест. Но естественная природная сила, например, оползень или землетрясение двадцать седьмого года исказили его в эту фигуру.

– Думаю, нужно принести сюда лестницу. Вблизи можно увидеть, как было сделано окно.

– Есть более легкое решение, Ватсон. Можно осмотреть окно снаружи. Версия с оползнем меня устраивает, но только возникает другая загадка, впрочем, не имеющая отношения к убийству... Зачем делать окно в форме мальтийского креста?

Они вышли на воздух.

– Черт, перемажешься весь, – кисло заметил Пилипенко, оглядывая стену грота. – А сверху, со скалы, без альпинистских прибабасов не спуститься.

– Есть, есть другое решение! – сказал Жаров, передразнивая друга.

Он уцепился за ветвь дуба, заболтал ногами и уперся в ствол. Когда-то он любил лазить по деревьям. Через минуту он уже стоял на арке грота, маняще загребая ладонями. Пилипенко помотал головой: нет, лучше здесь постою.

Жаров поднялся по склону, отряхивая на ходу джинсы. Окно утопало в траве, туда можно было легко провалиться. Он присел на корточки и погладил кладку ладонью. Так и

есть: снаружи, по краю окна также шел черепичный бордюр. Все было сложено крепко, без трещинки. Никаким оползнем или землетрясением этот феномен не объяснишь. Отверстие неправильной формы было сооружено здесь намеренно.

Вдруг Жаров чуть не закричал от неожиданности. Кто-то тяжело положил ему руку на плечо. Он поднял голову. Перед ним стоял смеющийся Пилипенко.

– Все проще гораздо, – сказал он. – Там, за кипарисом, есть удобная тропинка наверх. Гм... – он оглянулся. – Это действительно может значить, что убийца пробрался в грот через окно. И его не было бы видно с поляны.

Он не стал утруждаться, чтобы присесть, а просто провел по краю окна носком ботинка.

– Хотя это и не имеет отношения к нашим делам, – заключил он, – но эту штуковину действительно сложили умышленно. Когда был поострен грот?

– Да лет сто двадцать назад.

– Возможно, это было не просто увеселительное местечко в парке помещика.

Они спустились по тропинке и двинулись краем поляны, медленно, словно выгуливая собаку. Жаров спросил:

– Кинолог работал?

– Конечно, – ответил следователь. – Ярцев с Ральфой. Ральфа взяла след и честно довела до того места, где мы оставили машину.

– Значит, тот человек тоже приехал на машине.

– Какой человек?

– Тот небритый, которого видел таксист. Там крутой поворот, за холм. Машина убийцы могла стоять там, и таксист ее не видел.

– Ты упрямо гнешь свое. Был какой-то прохожий – ну и что? Убийца – сам Калинин, и для другой версии я не вижу никаких доказательств.

– Я докажу, – сказал Жаров. – Пусть убийца – сам муж, но это еще не значит, что он действовал именно потому, что прочитал статью в моей газете. Он действовал так по другим причинам.

– Проклятье Фарфорового грота, – задумчиво сказал Пилипенко.

– Да, – сказал Жаров. – Проклятье Фарфорового грота.

– Знаешь, а ведь оно действительно может существовать.

Жаров вскинул на друга удивленные глаза. Но Пилипенко был далек от того, чтобы шутить. Он вдруг щелкнул пальцами.

– Вот что. Надо немедленно поехать к твоей внештатнице. Мы ничего не знаем об убийстве тридцать девятого года, поскольку довоенные архивы сгорели. Но она ведь от кого-то об этом узнала. Думаю, что узел именно в том источнике информации.

– Ты что же, и сам веришь в проклятье?

– Ни секунды. Но я верю в то, что преступление может быть протяженным во времени.

Спустившись со склона, Пилипенко не торопился к своему бело-синему «жигуленку». Он оставил Жарова у закрытой машины, а сам обогнул поворот и присел на обочине. Жаров вышел на середину улицы. Действительно, здесь был крутой поворот, огибающий холм, где высились кусты метельника, и вторую машину ни Калинин, ни таксист могли бы и не заметить.

— Так и есть, — сказал следователь. — Тут недавно стояла какая-то техника, и у нее подтекает масло. Это может ровным счетом ничего не значить, как и тот человек на выходе из парка. Но, на всякий случай...

Он вытащил брелок и нажал на кнопку, покачивая брелком на вытянутой руке, будто неким оружием. «Жигуленок» заморгал огоньками. Жаров понял, что от него требуется. Не говоря ни слова, он открыл дверь милицейской машины, достал из бардачка маленькую пластмассовую коробочку и бросил ее другу в руки. Пилипенко вытащил из коробочки пробирку и набрал немного промасленной земли.

Они промчались мимо винзавода и вылетели на трассу, где двигался довольно плотный поток дальнобойщиков. Пилипенко включил мигалку, и машина быстро долетела до поворота на Поляну сказок.

У резных ворот музея было неожиданнолюдно: по пе-

риметру автостоянки растянулись лоточники с сувенирами, толпа туристов вывалила из экскурсионного автобуса. Этот странный музей не имел никакого отношения к Крыму и мог находиться в любой другой области мира, как, скажем, Диснейленд. Экспонатами служили скульптуры сказочных героев, а также их причудливые жилища, вроде избушки на курьих ножках.

Жаров хорошо помнил свое первое впечатление, когда их водили сюда в культпоход от школы – живая, волшебная страна, солнечные зайчики перепрыгивают с фигурки на фигурку, одни кажутся смешными, другие – страшными, загадочно поблескивают на коричневых лицах глаза...

После той экскурсии Витька каждое воскресенье теребил родителей: он снова хотел на эту поляну, и вот они вняли его мольбам, и всей семьей поехали, а дорога туда казалась дальней – автобус ходит редко, а потом еще идти в гору пешком. Второй культпоход просто потряс мальчика: ничего такого не было, ничьи глаза ему не подмигивали, дерево было деревом, камень – камнем, а медь – медью. И позже, когда он как-то привел сюда одну из своих несбывшихся невест, все это снова было мертвым, будто бы кто-то огромный высосал из статуй их души, бросив их тут стоять, словно памятники – казалось, что незримая дверь в волшебную страну захлопнулась навсегда. Но сегодня почему-то опять вернулось детское впечатление – вновь подмигивает ему Кот ученый, и катится навстречу Колобок... Может быть, все дело в его

собственной влюбленности?

Тамару они нашли подле статуи Василисы Прекрасной, которая в детстве внушала Витьке Жарову ужас: каменная девушка в колокольном платье цвета милиционера раскинула руки, будто собираясь схватить тебя и засунуть в свой широкий рукав. Тамара с искренним увлечением рассказывала что-то группе детей, образно рисуя ладонями симметричные фигуры. Она была высокой, стройной и гибкой, ее длинные руки плавно извивались, словно у балерины. Она заметила и узнала Жарова, он увидел, как блеснули в его сторону ее светлые глаза, а ладонь замерла в предупреждающем жесте: дескать, подождите, дайте закончить экскурсию.

В ожидании друзья прошли по музею, осматривая лица сказочных изваяний, солнечные лучи высвечивали щеки, стеклянные глаза бросали зайчики: наверное, солнце, в разных своих положениях, служило замыслу художников как необходимый изобразительный элемент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.